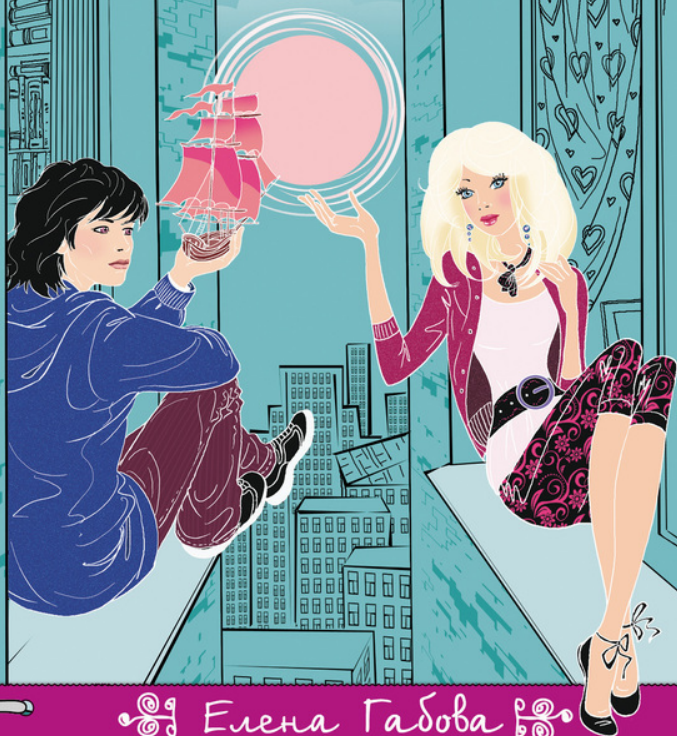

ТОЛЬКО
ДЛЯ
ДЕВЧОНОК

У ЧУДА ДВЕ СТОРОНЫ

❧ Елена Габова ❧

Елена Габова
У чуда две стороны
Серия «Только для девчонок»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11633974

У чуда две стороны : [повесть] / Елена Габова: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-81249-3

Аннотация

Маша отправилась кататься на роликах в центр города. Но у незадачливой спортсменки украли обувь, и девушке пришлось возвращаться домой прямо на роликах. От падения в автобусе Машу спас красивый незнакомый парень. Номерами телефонов они не обменялись, и девушка мечтала во чтобы то ни стало разыскать своего спасителя. Ведь в такого нельзя не влюбиться. Но у чудес бывают две стороны. И когда твое желание сбывается, надо придумать, что делать дальше...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Елена Габова

У чуда две стороны

© Габова Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

У меня все так, как бывает у девчонок в четырнадцать лет, – то взлет, то посадка. То летаешь от счастья, как ненормальная, то бесишься от хандры. И причины как счастья, так и хандры чаще всего неизвестны. Как будто внутри меня сидит чертик и мной управляет: «Радуйся!», а через день или даже через час: «А теперь – злись!», «Теперь – плачь!», «А теперь – смейся!»

Что происходит, никто не может объяснить. Мы с Галкой об этом разговаривали. Подруга заверяла: «Я так же мучаюсь!»

Я даже статьи психологов на тему «Что с нами происходит в подростковом возрасте?» пыталась читать в Интернете. Ну вот, там говорится, что во всем виноваты гормоны... Что в нашем возрасте часто случаются обломы... (В статьях обломы называются «разочарования».) Нет, про обломы как раз понятно! Кому про них неизвестно? Их огромная куча! Хочу парня на белый танец пригласить на дискотеке,

направляюсь к нему с замиранием сердца – другая девчонка опережает – вот тебе и облом! Надеялись летом на море поехать – папе отпуск не дали – снова облом! Да вот недавно совсем: в прошлое воскресенье. Собирались с классом в поход пойти. Но дождь с утра зарядил, как из бочки, – для всего класса обломище!

Еще из статей было понятно, что мы ужасно быстро растем. Почти как бамбук! И все приступы хандры или счастья – издержки роста.

Времени, кстати, тоже ни на что не хватает. С временем вообще сплошные обломы. Оно от меня зверски убегает. Я не высыпаюсь. Вечером кладу голову на подушку, глядь, уже утро на голову сваливается. А там зубы чистить и – марш в школу. Мне всегда спать хочется, и в школе тоже.

Но даже в сонливом состоянии я бываю счастливой. Глаза предательски закрываются, особенно на биологии, когда Анна-Ванна заунывно пересказывает учебник. Так вот, глаза закрываются в то время, когда я улыбаюсь. Мистика какая-то, тайна... Мне кажется, в классе я одна такая ненормальная. Галка говорит: у нее то же самое, но я-то вижу, что нет. У нее, на мой взгляд, все в полном порядке. Настроение всегда ровное. Но из статей психологов я также поняла, что каждый из нас ин-ди-ви-ду-ален, так вот, я – индивидум. То взлет, то посадка...

Сегодня у меня супервеселое настроение. Откуда я знаю, почему, говорю же – не знаю! Может быть, потому что но-

чью снилось море и маленький корабль с алыми парусами. Всем известно, алые паруса – к необычной любви, а кто же из девчонок влюбиться не хочет? Меня этот сон вдохновил, под этими алыми парусами я мчалась в школу... Так обнялась с Галкой при встрече, как будто не виделась с ней миллион лет и не общалась вчера ВКонтакте.

– Здрям, Галчонок!

«Здрям» – это мое личное, мое индивидуальное приветствие. Здрям, здрям! Весело же звучит! Звонко!

Радостно помахала рукой знакомой девчонке из девятого «Б» – обычно я ее не замечаю, как и она меня. Сегодня даже на уроках время от времени улыбалась, даже случайно Же-не улыбку подарила. Классной! Ей-то чего улыбаться? Же-ня мне чуть кивнула – тоже с улыбкой и повела подбородком на мою тетрадку – пиши, мол, Муравская, не успеешь до звонка упражнение закончить. И постучала по руке, на которой вовсе не было никаких часов. Все так делают: на руке часов нет, у всех они на мобиле, но по запястью стучат. Память предков, не иначе. У нас часы носят единицы, если похвастаться хотят какими-нибудь дорогими швейцарскими.

Ладно, я о настроении вообще-то, не о часах.

И на перемене я беспричинно смеялась. Переставила горшок с геранью с одного подоконника на другой, а потом и на третий. Когда Павлуха споткнулся о чью-то подставленную ногу, захохотала, как лошадь. То есть заржала, лошади ведь ржут.

Павлуха повернулся и спросил:

– Что с тобой, Муравская?

– Хорошо, что ты не упал! – смеясь, ответила я и ему по плечу постучала.

Павлуха покрутил у виска пальцем и отошел от меня.

Вообще-то его Витька зовут, Павлухин Витька.

На перемене после истории сумасбродство продолжилось. Мы с Галкой торопились в столовую. Надо было успеть что-нибудь внутрь закинуть, дома только чай выпила с булкой, говорю же, не успеваю ничего, время, как шар боулинга, катится – ра-аз, и нет времени. Перед нами Вера Долгова в столовую направлялась, я ее немножко за косу подергала, а когда она повернулась с вопросом на лице, сказала:

– Это не я, это Галка!

– Нет, это Маруся! – Галка в меня тычет.

– Нет, Галка!

– Нет, Маруся!

Вера уже давно вперед ускакала, ей все равно, кто ее за косу подергал, а мы с Галкой продолжали друг друга мутузить. Спешим в столовку и валяем дурака. У нас почти всегда так. По отдельности мы с Галкой Ступаковой серьезные, а вместе – словно смешливые первоклашки.

И тут... стоп! Я споткнулась на ровном месте. Взгляд зацепил ужасно важное. Лицо парня... Знакомое и незнакомое. Я видела его всего ничего – один раз в жизни, но *таким образом*, что запомнила навсегда. И где бы ни встрети-

ла, узнала бы, даже на Марсе. Это он. Мой компьютер, который находился в голове (у каждого в голове свой компьютер), еще ничего не понял, а взгляд – чиркнул по важному объекту и запустил информацию в программу. Мозговой компьютер с огромной скоростью заработал... и выдал результат! Мимо нас в школьном коридоре пронесся... *тот самый!*

И сразу вспомнился *тот* день. *То* мое настроение. Переполненный в час пик автобус.

Но странно! *Тот* парень – в нашей школе! Откуда? Почему? Я сразу перестала смеяться. На секунду остолбенела, а потом двинулась дальше, как заводная игрушка, начисто забыв про столовую. А *он* промчался мимо, сверкнув на меня глазами. Черные волосы до плеч. Челка. Темные глаза. Толстовка почти до земли. Ну, до колен вообще-то. Почти до колен. Симпатичный. Нет, не знаю, симпатичный или нет, но кажется, да. Но в автобусе он показался мне симпатичным. Очень.

Я снова остановилась. Повернулась и стала всматриваться назад. Но спину *того* парня в темно-синей толстовке перекрыла другая спина, а потом третья, четвертая, десятая... У нас в школе нехилое броуновское движение... В перемены «трафик» в коридорах такой напряженный, как на главной улице города!

– Ты что? – спросила Галка. – Кого увидела? Птерозавр пролетел? – Она дергала меня за руку, призывая идти дальше. – Кто это? Кто? – и тоже стала оглядываться.

– Мне тоже интересно, кто. Все, уже скрылся! Не смотри! Опоздала!

– Ты, наверное, какого-то новенького увидела, – предположила Галка, – самого нового новенького!

Таких у нас в школе миллион! Кругом же новостройки!

Обычно новенькие приходят в начале года, ну, в крайнем случае в начале четверти, а тут – прямо на ровном месте, сегодня даже не понедельник. Я поделилась этим с Галкой, а она:

– А может, он как раз в понедельник пришел?

– А может, месяц назад?

– А может, даже два? Первого сентября, может? А тот, кого ты увидела, Маш, тебе знаком?

– Не приставай. Потом расскажу.

Мы снова потолкали друг друга и возобновили движение, но я пошла медленней. Не смеясь. Галка смотрела на меня с опаской. Расспрашивать о чем-либо она не решалась. Знала, что когда я в таком настроении, то ничего не скажу.

Наконец-то добрались до столовки. Встали в очередь. Я продолжала думать о незнакомце, который был мне немного, но все же знаком. Как его звать, я не знала, но зато знала, что он очень хороший. Суперхороший! Короче, он супермен!

Но что он делает в нашей школе?

Мое настроение изменилось. Я задумалась, перестала беситься. Я вспоминала. Галка меня больше не тормозила.

Повернулась и заговорила со Светой Коробовой, стоявшей за нами.

Это было месяц назад. Десятое октября, если точно.

В тот день я каталась на роликах на площади Победы. На этой площади все катаются. Она огромная, ровная-ровная, и чистая, словно ее каждый день моют шампунем, как в Западной Европе. А может, и правда, моют. Я же не вижу дворников, они же по утрам работают, когда все другие еще сна смотрят. Вокруг площади стоят солидные здания, которые называются ад-ми-ни-стра-тив-ные. Такое словечко только по слогам выговоришь. Ребята тут и на роликах гоняют, и на скейтах, и на великах! Ну для великов сейчас вообще-то специальную площадку устроили в парке – они там свои трюки проделывают. Мы как-то с Галкой ходили смотреть. Ужас! Они прямо на великах прыгают через всякие стенки, катаются по рельсам, перилам, один парень на велосипеде даже на ствол огромного тополя с разгона до половины дерева взлетел, сделал сальто и снова – на асфальт. Колесами асфальта коснулся, не головой! У меня просто сердце обмерло, когда я это увидела! В цирке так не умеют, правда! Не для слабонервных зрелище, уверяю! Моей маме, например, смотреть такое противопоказано, разрыв сердца точно получит.

Так что на площади Победы велосипедистов было мало – один или два младшекласника, за которыми присматривали

гуляющие неподалеку бабушки. Площадь окружена не только домами, но и деревьями – березами, кедрами, лиственницами... Нет, тут классно! Деревья уже почти без листвы, а на лиственницах желтые иголки. Лиственницы самые стойкие! Иголки опадут у них только с первым снегом или даже с морозом первым! Дорожат своими иголочками, не хотят с ними расставаться!

Словом, это было мое любимое место. Жалко, Галка кататься не умеет. Она иногда просто так приходит – со мной за компанию. Но тогда Галка была на каком-то своем кружке, то ли «волшебные спицы», то ли «чудесная пицца», то ли наоборот – «волшебная пицца», «чудесная спица», я в ее кружках запуталась. Она любит всякие девчоночьи занятия... А мне на них смертельно скучно. Я лучше на роликах... В прошлом году я еще на лыжную секцию ходила, но сейчас решила, что ее брошу, потому что времени не хватает три раза в неделю ездить за город на лыжную базу. Мы там тренировались. Там лес, поля и высокие горки.

И вот я каталась на площади, под деревьями, туда, сюда, по кругу, по диагонали, два раза чуть на скейтбордиста не наскочила, он мне пальцем у виска покрутил и крикнул, что я катаюсь, как бешеная молекула. Я не поняла, почему я молекула, но кататься стала строго по кругу. Погода была классная: ветерок, и солнце, и осень, – это все вместе, последние теплые денечки перед долгоиграющей зимой. Теплые и в то же время чуть-чуть прохладные, ну, словом, такие

свежие... Недавно на литературе мы вспоминали Пушкина, и вот у него там есть строчки: *и в сенях ветра шум, и свежее дыхание...* Вот это свежее дыхание и ветра шум были сегодня на площади да и вообще в городе, как в каких-то пушкинских сенях.

И когда я уже накаталась на роликах и вполне надышалась предзимним воздухом и хотела уже отправляться домой и стала расшнуровывать ролики, то увидела, что моих новеньких, купленных неделю назад модных ботиночек нет. Украли!

Мое чудесное настроение как в яму ухнуло! Я поозиралась, да что толку. Не будет же вор ждать, пока я его выслежу. Я села на сумку, которая лежала на ступеньках почтамта, где оставляют свои вещи ребята, и тупо уставилась перед собой, обхватив колени руками.

Никогда у меня ничего не брали. Я всегда оставляла обувь и сумку для роликов на нижней ступеньке каменного крыльца. И никогда ничего не пропадало.

Гад, кто украл. Вот как мне на роликах домой отправляться? Я живу далеко от этого места, приезжаю сюда на автобусе. Около нашего дома негде на роликах кататься, там одни стройки.

Придется прямо на роликах домой катить, хотя на улицах полно народу. Люди с работы возвращаются, сейчас час пик. Как на переменках в школе, пробки везде, и на дорогах, и на тротуарах тоже!

А что делать-то? Летать-то я не умею. Покатила по тротуару, нечаянно расталкивая людей, наезжая на них, даже ухватываясь за чьи-нибудь плечи, когда теряла равновесие и чуть не падала на какого-нибудь прохожего. И конечно, мне вслед неслись проклятия.

Наконец-то остановка моего автобуса. Еле доползла! С такими жуткими препятствиями я сюда добралась, что слово «ползла» вполне подходило. Не только катить в толпе, но и стоять на роликах было невозможно, ноги расплзались, если только не держаться за что-то. Мне бы плюхнуться на скамейку, но она, как всегда, была занята. Ладно бы старушки сидели, нет, девушки и даже парни! Ожидавшие разных автобусов пассажиры косились на меня и на мои ролики, намекая взглядами, что я в них совсем не на месте. И что неужели я – на роликах – в автобус? Ненормальная, да? Ну да, да, я со всеми была согласна, конечно, на роликах в автобус – тупо, но не в носках же мне осенью гулять по улице, а потом ехать в переполненном автобусе. В носках-то еще хуже. Меня точно бы в психушку отвезли. Да, я в автобусе на своих роликах буду, как слон в посудной лавке, но что же мне делать?

Притвориться, что все нормально, что так и должно быть, и смотреть на меня не нужно, как на преступника. Не нужно так, люди! Я и притворялась, как умела. И старалась вообще не смотреть по сторонам. Только строго перед собой.

Телефон процокал. У меня на рингтоне что-то из музыки

пампасов. Я достала из кармана куртки трубу.

Галчонок.

– Привет, Марусь. Ты где?

– Я стою на автобусной остановке, злая, как черт.

– А что случилось? На кого злишься?

– На гада, который спер мою обувь.

Тут подошел автобус, и я больше ничего не успела сказать.

В автобусе тоже час пик. Маршрутки в нашем городе почему-то запретили. То ли с ними аварии разные случались, то ли несколько маршруток прямо на дороге развалились в пыль, не знаю, но маленьких «газелей» не стало, а только эти, новые «пазики». И вот я, как корова на льду, влезаю на роликах в автобус. То, что я оказываюсь тут выше всех на целую голову, это еще ничего, пережить можно. Пассажиры, сами того не подозревая, оказывают мне неоценимую услугу – в тесноте поддерживают меня со всех сторон, как вазу на тонкой хрустальной ножке. Но ноги на роликах все равно уезжали то назад, то вперед. И я нечаянно наступила роликом на ноги одной доброй женщине.

– Выросла под потолок, а вести себя не умеешь! – сквозь зубы сказала она, и лицо сразу стало злым, некрасивым, как будто ее *перезагрузили*.

Стоявший рядом мужчина добавил:

– Современная молодежь! Место и не подумают уступить!

При чем здесь место? Я ведь тоже стояла. Рядом с ним, между прочим.

– Уступить вам место? – вежливо спросила я.

– Что? – спросил дядя угрюмым голосом. – Стоишь, так стой! – крикнул он.

– Я стою.

– Вот и стой! И не наступай на ноги людям своими граблями!

Он сказал: людям!

Всегда так! Всегда молодежь ругают! Стоит кому-то только начать, все взрываются. Как будто сами никогда молодыми не были!

В меня влетела еще пара замечаний от взрослых. Уши просто завяли.

...А потом я наехала на него, ну на *того* парня, которого я сегодня неожиданно увидела в школе. Тогда, в автобусе, он сморщился (кому приятно, если роликом – на кочергу, больно же!), а потом посмотрел на меня. Но не со злостью, как взрослые, а с интересом. И ничего не сказал. Потому что сам молодой. Молодой на молодого ворчать не будет! Мы друг друга всегда поймем. Вниз посмотрел, стараясь рассмотреть мои ноги, но рассмотреть не получилось, слишком было тесно.

– У тебя, что, копыта? – тихонько, чтобы не слышали взрослые, спросил он.

Я ничего не ответила, только нахмурилась и закусила губу. Тогда он поднял руку и смерил, сколько сантиметров остается мне расти до автобусного потолка. Оставалось

немного. Он опять выразительно посмотрел на меня. Да еще и головой покачал, сочувствуя моему баскетбольному росту. Очень тактично.

Я стояла с каменным лицом, словно мне ни до кого не было дела. Тем более – до него. А потом народу поубавилось, и мне удалось отступить к окну на задней площадке, и я стояла, вцепившись в поручни, стиснув зубы. Снова телефон зазвонил, но мне не хотелось разговаривать и что-либо объяснять Галчонку, и я прямо в кармане его отключила. Вскоре народу почти совсем не осталось, все вышли, а моя остановка последняя, и оставшиеся пассажиры уже видели, что я на роликах, и один человек сказал своему спутнику:

– О, смотри, она на колесах! Видал?

И *тот* парень тоже это увидел. Он стоял у окна справа, а я – сзади. Смотрю на машины с зажженными фарами, которые сплошным потоком за нами едут, и чуть не реву. И обидно, и новой обуви жалко! Новые ботинки были легкие, с меховым отворотом, я в них просто летала. И потом я знала, что от мамы за них попадет.

Доехали до конечной. Я стала выходить, и *тот* парень за мной. Я коснулась ногой земли, она поехала, и я грохнулась на лестницу в автобусе. Попробовала быстро вскочить и не смогла, попробуйте на роликах подняться и устоять! И тут *тот* парень не растерялся, схватил меня под мышки и подтянул. То есть он поднял меня, довольно-таки грубо. Руки у него были сильные.

– Спускайся спиной вперед и держись за поручень, а то опять упадешь, – посоветовал он. – Дай-ка я сначала выйду, – пусти.

Я прижалась к перегородке, думая, он спешит, а я его, как и других выходящих пассажиров, задерживаю. Парень протиснулся боком на остановку, но никуда не ушел! Он вышел, чтобы меня поддержать! Поддержал за подмышки, пока я спускалась на своих дурацких коньках. Я превратилась в такую ведьму от злости, что не догадалась его поблагодарить. Еле сдерживала слезы, во-первых, потому что ушиблась, во-вторых, было обидно, а еще злость разбирала на того, кто все это устроил. Злость на воришку.

– В следующий раз сменку бери, – подсказал парень. – Видишь, как оно на роликах... опасно для жизни! – Он засмеялся.

– Без тебя знаю, – произнесла я кривыми, оттого что хотелось расплакаться, губами.

Отряхнулась и понеслась на роликах в сторону дома – у нас на окраине улицы не так забиты, как в центре. Тут можно было гнать, даже никого не толкая. При желании здесь можно даже кататься, а не ехать на дурацкую площадь, которую моют дурацким шампунем. Нет же, мне нужна красота, лиственницы всякие! Да пропади они пропадом! И деревья, и всё!

Я так устала за этот переезд и так рассердилась на весь свет во главе с воришкой, что, открыв дверь квартиры,

не стала объявлять о своем приходе, а тихонько пробралась к себе в комнату. Мама в кухне звенела посудой. Здорово, что она не услышала! Начались бы разборки, что да как. А еще: «Украли ботинки? Новые! Кошмар!» Как будто не знаю, что кошмар.

Я с наслаждением рухнула на диван. Хотела всего лишь пять минуточек полежать, пять минуточек отдохнуть, я даже ролики не сняла и держала их на весу в стороне, не касаясь дивана. И все было бы хорошо, но нечаянно я уснула. А когда спишь, не следишь ведь за ногами. И ролики оказались тоже на диване, на чистой накидке.

Меня разбудил Никита. Они с папой пришли из детского сада, папа по пути с работы его забирает. Брат заглянул в мою комнату и закричал:

– Мама, а Машка на диване спит прямо в роликах! И в куртке!

– А что, разве она дома? – удивленно спросила мама и заглянула в мою комнату. А я не успела принять после сна нужную позу и откинуть коньки в сторону. Мама увидела, что я лежу в грязных роликах, удобно подогнув ноги.

– А на простыне ты не пробовала в роликах спать? – тихим зловещим голосом спросила мама. Она была в фартуке с нарисованными на нем ромашками, такая вся милая, домашняя. Ее трагический голос никак не вязался с веселеньким фартуком.

– Извини. – Я поспешно села на диване, опустив ноги

на пол.

– С ума сойти! – воскликнула мама. – До чего же ты стала бессовестная!

Никита хитро выглядывал из-за ее спины. В какой-то момент он даже скорчил мне рожу. Если бы у меня под рукой был какой-нибудь предмет, я бы в него кинула.

– Что ты молчишь? Что ты молчишь? – закричала мама. И тут она увидела нечто страшное. У нее вытянулось лицо, она часто-часто заморгала и готова была заплакать:

– А это что? А это что? – говорила она, тыча указательным пальцем в пол. Я посмотрела.

Это были следы от моих роликов. Не грязь. Хуже. Черные росчерки на полу от резиновых колесиков.

– Мама, это легко убрать... мама, это ластиком можно... – Я сползла на пол на коленях в этих своих ненавистных роликах и, послунив палец, попробовала стереть черные линии.

– Ты меня в гроб вгонишь! – Мама заплакала и выбежала из комнаты. Вслед за ней смылся брат. Знал, что ему несдобровать, если останется.

Я, наверное, целый час сидела на диване, тупо глядя перед собой. Не разувалась. Мама гремела посудой в кухне с удвоенной силой. Я достала из кармана плеер с намотанными на него наушниками, расправила проводки и включила музыку, которая была наготове. Это были ребята из группы «One direction»¹. Включила, чтобы не слышать мать. Пусть

¹ One direction – англо-ирландский бойз-бэнд, основанный в Лондоне в 2010 го-

хоть разобьет посуду, не жалко. Теперь я злилась и на нее тоже. Нечего кричать на свою собственную дочь. Мне вообще расхотелось рассказывать ей, что у меня свистнули ботинки, из-за чего, собственно, все и произошло. Я сидела и ждала папу. Он завел Никиту домой и снова спустился к машине. Что-то у него с ней не ладилось, он чинил ее вот уже неделю. Никита открыл дверь и попробовал было снова сунуться ко мне, но я показала ему кулак и сделала зверское лицо. Не люблю выдавал, даже если это мой собственный брат!

И вот наконец вернулся папа. Никита быстренько наябедничал ему про меня, папа вошел с озабоченным лицом, я пододвинулась, и он сел рядом.

– Тебе удобно? – кивнул на ролики.

Я сняла наушники.

– Ботинки украли, – прошептала, чуть не плача.

– Это те – новые? Что вы с мамой купили в Центре?

Я кивнула.

– Ну так что, другой обуви нет? – бодро произнес папа. Он взъерошил мне волосы. – Ничего, не переживай. В старых кроссовках походишь.

– Мама кричит. – Я отстранилась от его руки.

– Если бы я в роликах лежал на диване... – Папа покачал головой, давая понять, что было бы ему на моем месте.

– Она сегодня опять баба-яга, – буркнула я.

ду, в состав которого входят пятеро молодых людей: Гарри Стайлс, Луи Томлинсон, Найл Хоран, Зейн Малик и Лиам Пейн.

– Терпи, – сказал папа и пошел объясняться с мамой. Я услышала, как она закричала:

– Ах, у нее еще и ботинки украли! Я ей больше ничего не куплю, так и передай!

Моя мама не ведьма. Она хорошая. Но, видимо, у нее был день плохого настроения, когда она ни-че-го не понимала. Может, у нее тоже гормоны играют, и она полностью зависит от своего настроения – не знаю. Иногда она действительно баба-яга. Только волосы нерастрепанные и нос не крючком. А вообще-то она не баба-яга, а сестрица Аленушка, как говорит папа (мою маму Аленой зовут). Поэтому мы с ним просто переживаем эти моменты. Вообще-то в последнее время она часто сердится, потому что ее должность сократили на работе, и вот уже полгода она сидит дома и злится на всех. Только на Никиту почему-то не злится. Брат у нее в любимчиках. Иногда мне хочется его за это поколотить. На маму я из-за этого, конечно, обижаюсь.

Благодаря черным следам от роликов мы начали ремонт. Мама сказала, что на это смотреть «невозможно», а вывести линии я не смогла, не помог никакой ластик. Пришлось покупать и стелить на пол ламинат. Ремонт длился месяц. Вместо окон ставили стеклопакеты. Красили двери, меняли обои... Неделью назад мы ремонт закончили. Мама настаивала, чтобы мы поменяли и двери тоже, но папа сказал, что все, баста. У него кончились деньги, отпуск и силы, потому что

почти весь ремонт делал он сам. Мама только на подхвате была. Намазывала клеем обои и подавала папе. Во время ремонта она была веселая и разрешала мне включать музыку, правда не очень громко.

Парня из автобуса я больше ни разу не встречала. Я пользуюсь сто одиннадцатым маршрутом, когда еду в центр города. Так вот, теперь, как только я заходила в сто одиннадцатый, сразу начинала озираться в поисках моего спасителя. Но его не было. Какой же он молодец, какой благородный! Я была ужасно недовольна собой: человек помог, а я его даже не поблагодарила!

Однажды я смотрела ролик «One direction» по Youtube. И в одном из клипов вдруг увидела его... *того* парня из автобуса! Я даже вскрикнула от неожиданности. То есть я понимала, конечно, что это Лиам Пейн, участник этой обалденной группы, но он был страшно похож на *того*. Ну, может, и наоборот, *тот* был похож на Лиаму, без разницы! У *того* была такая же большая челка. Я так обрадовалась, просто ужасно! Многие девчонки из класса фанатели по этой группе. Мне они тоже жутко нравились. Классные парни, и песни отличные. И так как я не знала имени моего помощника, я стала про себя называть его *Лиам*. Надо же было его как-то обозначить!

И вдруг – сегодня, больше чем через месяц, я *Лиаму*

увидела. В своей родной школе! Я испытала шок, правда! Это точно *он*, точно! Что я, своего спасителя не узнаю? В автобусе он поднял меня с лестницы, помог спуститься на землю. Если бы не он, я, быть может, сто раз на этой лестнице падала! Еще и сломала бы себе что-нибудь. Какие у него сильные руки! Надо было тогда обязательно сказать ему: «Спасибо». Недаром мама говорит, что я сильна «задним умом». А теперь – поезд ушел, он даже и не поймет ничего, если я начну его благодарить.

А ведь *Лиам* на меня тоже посмотрел в школьном коридоре! И внимательно, не просто так. Его взгляд меня тоже вычленил из толпы! «Компьютеры»-то у каждого на плечах! Интересно, узнал ли он девчонку на «колесиках»? Может, и нет. Тогда я была в большом сером свитере, который еле помещался под курткой. Поэтому куртку я не застегивала. Очень люблю этот пушистый свитер. Жалко, что его в школу нельзя надевать.

Если в автобусе я видела его месяц назад, размышляла я, то вполне возможно, что он в это же время пришел в нашу школу. Говорю же, у нас район новостроек, дома росли, как грибы после дождя, и новенькие в нашу школу валили толпами. Мы запросто могли его не видеть. Школа у нас громадная, муравейник-миллионник, четыре этажа, ребят из других классов мы могли не встречать годами. Я же вижу в супермаркете незнакомых детишек. И хотя я их не знаю, скорее всего учимся мы в одной школе. Потому что в нашем

районе она одна, единственная и неповторимая.

И мне страшно захотелось узнать про *того* парня все-все. Кто он, откуда, в каком классе грызет гранит науки. Похоже, он постарше нас, мы в восьмом. А *Лиам*, может, в девятом. Или даже десятиклассник. А может, и в параллельном восьмом. Мне бы хотелось, чтобы он был, как мы, а самое лучшее вообще в нашем классе, но, увы, в нашем он точно не учился.

Оставшийся школьный день на переменах мы с Галкой слонялись по школьным коридорам, надеясь еще раз встретить моего «супермена». Я уговорила подругу *его* поискать, хотя так и не рассказала ей, зачем он мне нужен и кто он такой. Да и мне он, собственно говоря, не нужен, просто я хотела убедиться, что он теперь «наш». И еще «спасибо» ему сказать, если представится случай. Галку особенно уговаривать и не пришлось – она с радостью присоединилась к поискам. На переменах-то все равно делать нечего! Мы все этажи проверяли. Перемены не хватало. В свой класс заходили после звонка, еле-еле успевали до прихода учителей. Некоторые уже стояли у дверей класса и, увидев, что мы бежим, подгоняли:

– Скорее, Галя, Маша!

Прошлись около параллельных восьмых и даже несколько раз прошлись – в проемах дверей новенького не увидели, хотя изо всех сил вытягивали шеи.

– Он темноглазый, брюнет, – сообщила я Галке приметы. – Роста – повыше нас с тобой. И челка такая... до бровей!

– А, любимая челка твоей мамы! – засмеялась Галка.

– Точно. Так что моей маме мы его не покажем!

– Если мы его не найдем, то точно не покажем!

Мама начинает злиться, когда моя любимая беленькая челочка спускается до середины лба. Ворчит, что ей моих глаз не видать и что я сама ничего не вижу, что я похожа на ризеншнауцера, у которого глаз вообще не сыскать за челкой, что скоро ослепну и всякое такое.

Мы искали новенького в коридорах, в столовой, заглядывали в классы, несколько раз на крыльцо выбегали. Можно было просто заходить в классы и спрашивать: «Народ, у вас есть новенький?» – но мы этого не делали. Мы почему-то с параллельными классами не дружим. На дискотеках же встречаемся или на экскурсиях разных друг друга признаем, а дружбы нет. А уж с ребятами из классов постарше – тем более не контактим.

В этом, наверное, учителя виноваты. Они нас противопоставляли все годы учебы. Сами того не понимая, заставляли нас враждовать. Ну, враждовать, это сильно сказано. Просто не дружили. Учителя почему-то всегда нам в пример ставили другие классы. «Ваш восьмой «А» – сплошные лоботрясы, учитесь из рук вон плохо, контрольную написали безобразно, а вот восьмой «Б», восьмой «В», восьмой «Г» (менялись только номера классов) – вот они молодцы!»

Позже мы узнали, что «бэшкам», «вэшкам» и «гэшкам» говорили то же самое, а в пример ставили другие «буквы»

алфавита, в том числе и нас, «ашек». Это была учительская «военная хитрость».

Того парнишку с челкой, *Лиама*, мы так в тот день и не нашли. А когда мы из школы уходили, я спросила Ольгу Ветошкину из восьмого «Б», мы иногда вместе на роликах катались, не появился ли у них новенький.

– У нас их четыре! – ответила Ольга. – Три девчонки, один парень.

– А парень не брюнет?

– Нет, он рыжий.

Круг поисков сужался – в восьмом «Б» *Лиама* не было.

– Так ты скажешь, в конце-то концов, Маруся, кто он такой? Почему мы его отслеживаем? – наконец-то не выдержала Галка. – Чем он провинился? Или... – Галка посмотрела на меня прищурившись, – может быть, прославился? Или... – Галка испуганно расширила глаза, – может быть, неожиданно объявился твой сводный брат?

– Нет у меня никаких сводных братьев!

– Ну кто, кто это? Я бы тебе давно сказала!

– Потом расскажу, ладно, Галчонок? Не обижайся, я ведь сама не знаю, кто он, потому и ищу. Я его только один раз в жизни видела.

– И что же случилось за этот один раз? – Галка шутливо потыкала меня кулаком в живот. – Любовь с первого взгляда? А?

– Галка, не смейся. Сама ведь знаешь, что с первого взгля-

да любви не бывает.

– А что же тогда? Tell me!

– Он помог мне выйти из автобуса.

Галка смотрела на меня, как на очумелую.

– Что? Подал руку, что ли?

– Да.

– И все? – Галка сначала засмеялась, потом замолчала, задумавшись. – Вообще-то это редкость в наше время, – решила она. – Просто невероятно! Руку подал! Но ведь это... – Она удивленно уставилась на меня. – Это все равно – пустяк! Пустяк пустякович! – Галка несколько раз провела рукой перед моим лицом, как будто снимая с него невидимую пелену заблуждения. – Эй, Маруся! Я за тебя боюсь! – Она увидела, что я нахмурилась, и миролюбиво добавила: – Ладно, давай искать этого мастодонта. Последнего вежливого человека на планете Земля!

Про то, что у меня своровали ботинки, я Галке рассказывала. В тот же день вечером ей по сотику звонила и жаловалась на судьбу. Но про автобус и парня не стала говорить. Думала, что это неважно.

На следующий день Женя, то есть Евгения Львовна, подошла ко мне после урока литературы. Если ей нужно, она всегда сама к ученику подходит, а не призывает к себе, как другие учителя. Все уже вышли в коридор, а я сунула нос в учебник физики, потому что Вольдемар Альбертович запросто

мог меня спросить.

– Маша, – торжественно начала классная, – ведь ты же у нас главный редактор школьной газеты, правда?

– Ну да. – Я скорчила кислую рожу и отодвинула «Фи-зику» в сторону. Я уже догадывалась, что за этим последует: нужно выпускать очередной номер газеты «Привет, школяр!». В сентябре выбрали школьную редколлегию – всю из нашего класса, а главным редактором назначили меня. Это потому, что я сочинения ничего себе так пишу, а главное, потому, что я как-то заикнулась на классном часе, что хочу быть журналистом. И вот результат: хочешь быть журналистом – будь им: выпускай школьную газету, практикуйся, дорогая Маша Муравская, для последующей взрослой жизни.

Первый номер мы выпустили в октябре, и он всем понравился. Там было несколько заметок о летних каникулах, три стихотворения шестиклашки Тани Пироговой и рассказ Генки Жеребцова из десятого «Г» о том, как он смешно ишачил на стройке. Газета «Привет, школяр» – это брошюра размером А4 в шесть листочков. Можно было и больше сделать, но материалов набралось только на шесть. Газета предназначалась для всего звена старшеклассников. Ее напечатали на принтере в количестве ста экземпляров, и она валялась во всех школьных углах. Нет, это потом валялась, сначала ее все читали, я сама видела: читали на переменках, а некоторые одноклассники даже на уроках. И все решили, что газе-

та нужна, она получилась интересная и что мы, редколлегия, молодцы.

Я поначалу воодушевилась этой затеей – газетой. Но потом мой пыл поуогас. Потому что сразу после первого номера я обратилась к одноклассникам, чтобы они что-нибудь для «Школяра» писали, но никто до сих пор и в ус не дул. И члены редколлегии – Вера Долгова и Тимка Невезучев тоже бездействовали. Я и объявление на доске рядом со школьным расписанием вывешивала с просьбой приносить что-нибудь интересное в редколлегию в восьмой «А», но за целый месяц никто в наш класс не сунулся ни с одной строчкой! Получалось, что всем наша газета была до лампочки. Вот мой энтузиазм и сдулся.

Сейчас ноябрь, вторая половина, и давно уже было пора выпускать новый номер.

– Что ты кривишься, – поинтересовалась Женя и скорчила гримасу, очень похожую на мою. – Догадываюсь, материалов нет. Правильно?

Я кивнула.

– Вот, держи. – Женя подала мне два исписанных мелким почерком тетрадных листочка. – Нашла для тебя стихи семиклассницы.

– Тани Пироговой?

– Нет, Пирогова в шестом учится. Это девочка из седьмого, там есть имя. Если понравятся, опубликуешь.

– А Таня Пирогова? Пишет еще?

– Вот ты и узнай. – Женя засмеялась и сняла с моего плеча какую-то соринку. – Ты же у нас главный редактор, не я. Наверное, пишет. Вот и устрой поэтический турнир школы на страницах газеты.

– Ладно, – вздохнула я. – Узнаю.

– Недели вам хватит? – спросила классная. – Учти, газета каждый месяц должна появляться.

– Хватит, – кисло пообещала я. – Спасибо за стихи! Хоть кто-то что-то в нашей школе пишет.

– А какие-нибудь наметки у тебя имеются?

– Нет. Вообще ничего! Даже не представляю. – Я скорбно вздохнула.

– Так ты приобщи Веру! Тимофея! Они же члены редколлегии! Пусть мозгами пошевелият!

– Вы не беспокойтесь, Евгения Львовна, материалы будут, вы не беспокойтесь. Через неделю сделаем. – Я еще раз вздохнула, но очень-то веря сама себе.

– Я надеюсь. – Учительница мягко улыбнулась.

Женя была в голубой кофточке, которая здорово шла к ее голубым глазам, вся такая милая, что я снова удивилась, почему молодая классная до сих пор не замужем. Ведь она добрая, а не только милая, никогда не кричит и не ворчит, и куда только смотрят мужчины? Можно сказать, первоклассная невеста во цвете лет пропадает в нашем городе.

Дома я прочла стихи юной поэтессы. Ее и звали поэтически – Юлиана.

Стихи были ужасно детские:

*Кошка Мурка простудилась,
Ей давали терафлю.
А она в ответ грозилась:
«Вот поправлюсь – отлуплю!» –*

и все в таком роде. Это бы моему Никите понравилось, а вот школьникам – сомневаюсь, но я решила их опубликовать. А что делать, нужно было чем-то наполнить очередной номер.

Я села за компьютер и набрала стихи в файл газеты «Привет, Школяр!» Завтра покажу Тимке и Вере. И вообще пусть тоже работают, а не только я.

Разогревая суп, я заметила на столе в кухне мамину записку:

Маша, забери Никиту из садика, папа сегодня не успеет.

Заберу. Жалко, что ли. Могла бы и сама забрать, раз она пока не работает. Мама целыми днями ходила по офисам, читала газеты, где писали о вакансиях, просматривала Интернет. Приходила она обычно рано, но сегодня, видать, где-то собиралась задержаться. Спрашивать у нее, нашла ли она работу, было рискованно – она начинала кипятииться, как наш чайник. У нас он металлический, и шумел гораздо сильнее, чем пластмассовые. Да я ее понимаю. Найдет, сама объявит. И сразу подойдет.

Я два раза хлебнула супу, и вдруг меня осенило! Наверное, суп был на мозговой косточке, не иначе!

Надо, чтобы случайно обнаруженный в школьном коридоре *тот* парень, прочитал в газете про меня и про себя! Чего его искать? Пусть сам объявится! Пусть меня вспомнит! Пусть знает, что я тоже в этой школе учусь! Пусть *Лиам* меня заметит! Если он учится в нашей школе, газета его точно не обойдет, классные руководители приносят ее в каждый класс. Я постараюсь так написать, чтобы понял: я пишу именно для *него*. И чтобы еще понял: я не сумасшедшая разъезжать в автобусах на роликах! Меня вынудили обстоятельства!

У меня сразу зачесались мозги и руки. Я оставила ложку в тарелке с супом и понеслась за компьютер.

Ненавижу воров!

У меня ролики не закатились за шарики, когда я на роликах вошла в автобус номер сто одиннадцать. Просто какой-то козел украл мои ботинки, когда я каталась на площади имени Победы. Я точно знаю, что этот воришка не учится в нашей школе, потому что в нашей ребята приличные, но все-таки я пишу это здесь. Вдруг эта свинья прочитает записочку, находясь у себя в другой школе, вдруг кто-то покажет ему газету, и пусть он тогда знает, что я презираю его всей душой и всеми своими печенками. Пусть мои кровные новые

ботиночки слетят с его правой или левой ноги и заедут ему прямо по башке!

И еще я хочу сказать спасибо тому молодому человеку, который спас меня из-под колес автобуса, когда я свалилась при выходе. Кажется, он учится в нашей школе.

Спасибо тебе, друг! Ты настоящий человек!

Я перечитала свой материал и осталась довольна. Ну да, написано грубовато. Некоторые словечки так и выпирают «углами». Это нарочно! Чтобы прочитали! Не знаю почему, но грубые слова привлекают к себе больше внимания, чем вежливые. Так не должно быть, но это так. Я конечно, сильно сомневалась, что мой текст пропустит цензура в лице нашей классной. Она читала до выхода все материалы, а как же! Но я решила воспользоваться служебным положением, то есть тем, что сама была редактором и выпускающим. И решила эту заметку классной просто-напросто не показывать. Удалю ее из файла, а потом, когда Женя прочитает, снова вставлю. А на принтере работает Наташа, секретарь при директоре школы. Она ничего не читает, просто жмет на клавишу, а принтер, знай себе, гонит сто штук номера. И все. Наташе нет дела до того, что в газете, ей неинтересно читать про школяров. Она временно работает, пока постоянный секретарь Оксана находится в декретном отпуске.

А потом я подумала и решила, что показать Жене мою за-

метку все-таки следует. А то как-то нечестно. Вдруг пропустил? Она же молодая, должна все понимать. И сам по себе материал правильный: автор осуждает воришек и хвалит тех, кто помогает девчонкам.

Теперь нужно было собрать другие материалы. Не выпустишь же газету с одной заметкой. Это будет просто листовка! Я позвонила Вере Долговой и Тимке Невезучеву и загрузила их. Тимка сказал, что его камера всегда готова и что он хоть завтра все, что надо, снимет. А Вера ответила, что будет думать.

Теперь за Никиткой бежать. Бедняжка уже ждал, когда его заберут. Сидел в раздевалке на низенькой скамейке у своего шкафчика с нарисованной на нем пчелой, с голыми ногами, в сандалетах, но шапку уже надел и шарф накрутил на шею.

– Ты чего тут, Никит?

– Домой хочу.

– Хотел бы себе в группе.

– Там Владик меня бьет.

– Как это – бьет? А ну подай его сюда!

– Не-е, Маш, не надо.

– Позови, говорю!

Никита нехотя потащился в группу. Шарф с шеи раскрутился, и конец хвостом волочился по полу. Мама связала. Длинный, с бахромой. Мне бы тоже такой подошел, я бы не отказалась, но мне не предложили.

Вышел Никита вместе со шкетом-скелетом. Драчун Вла-

дик был маленьким, щупленьким. Непонятно было, как эта инфузория обижала нашего крупного Никитку?

– Ты Владик?

– Владик Чудинов.

– Ты что ребят обижаешь?

– Нет.

– А ну беритесь за руки, – приказываю ребятам.

Малыши послушались.

– Пожмите их. Как мужчины – крепко. – Мужики потрясли ладошками.

– Все! Между вами – мир-дружба! Навсегда! Поняли?

Оба кивнули и разошлись.

Вышли с братом на осеннюю улицу. Никиткины резиновые сапожки с батарейками в подошвах. При каждом шаге они светились оранжевым светом и придавали яркости темному грязному асфальту, засыпающим деревьям без листвы, серым зданиям и такого же цвета голубям, расхаживающим по лужам. Никита в вязаной колпачком шапке был похож на ракету, а сапожки с оранжевыми огоньками – напоминали ступени, которые вот-вот вознесут его к вершинам домов. Он полетит над нашим новым районом, и его светлый шарф будет развеиваться, как у Маленького Принца. И вообще Никита на Маленького Принца похож, у него такие же светлые кудрявые волосы.

– «Киндер-сюрприз» купишь, Маша?

– Нет. «Чупа-чупс» куплю, так уж и быть. («Чупа-чупс»

дешевле.) – Я привлекла Никиту к себе и завязала покрепче шарф.

– Хорошо. – Брат расплылся в улыбке. Хотя что ему купи, хоть пуговицу, он будет счастлив.

Зашли в супермаркет, купили ему «чупик».

Возвращались домой не спеша. Не холодно и не тепло. Предзимье. Под ногами осенние листья, истоптанные прохожими. Жалко их. Летом красовались, шумели на ветру, радовали людей, а потом под ноги проходим шлеп. Что-то в этом есть несправедливое. Свернули на улицу, на которой еще недавно росли старые тополя. В этом году их спилили. Мне было их жалко даже больше, чем листья. Район новый, и деревьев еще негусто, и пусть бы тополя красовались. В июне они пылят пухом, но это ведь недолго... А пух такой замечательный, как будто выпадает теплый снег. В одной книжке читала, как мальчишке связали из тополиного пуха рубашку и в ней он летал над городом и совершал разные чудеса. Но пух от наших тополей многим не нравился, и вот деревья спилили... Сейчас от них остались только пни.

– И зачем тополя спиливают? – грустно спрашиваю Никиту.

– Наверное, чтобы проводам не мешали, – серьезно отвечает братишка.

– Нет же тут никаких проводов.

– Ну, может, для бабушек. Чтобы на пеньках отдыхали.

Я засмеялась. Наивный у меня брат. Но шестилетке простительно. И он добрый, шпингалет этот.

Со следующего дня я начала бурную деятельность. Даже не стала обращаться за помощью к Вере и Тимке. Уговаривать и объяснять дольше, чем сделать самой. Поначалу боязно было заходить в другие классы. Чужие классы для нас вообще чужие галактики. Первый класс, в который я зашла на перемене, был девятый «А». Там сидели несколько парней. Конечно, они на меня сразу уставились. Я поздоровалась и протараторила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.